

Федор Сологуб. Звериный быт

Оригинал находится здесь: [Литературная страница DRY GINa](#)

I

Подобно тому, как в природе кое-где встречаются места безнадежно унылые, как иногда восходят на земных просторах растения безуханные, не радующие глаз, – так и среди людских существовании бывают такие, которые как бы заранее обречены кем-то недобрый и враждебным человеку на тоску и на печаль бытия. Будет ли виною тому какой-нибудь телесный недостаток, иногда совершенно незаметный для света, да зачастую забываемый и самим обладателем этого недостатка, плохое зрение, слабые легкие, маленькая неправильность в строении какого-нибудь органа, или что-нибудь иное, – или слишком нежная, слишком восприимчивая ко всем впечатлениям душа с самого начала своего сознательного бытия поражена была почти смертельно какими-нибудь безобразными, грубыми выходками жизни, – как бы то ни было, вся жизнь таких людей является сплошной цепью томлений, иногда с трудом скрываемых.

Кто из людей, знающих свет, не встречал таких людей, и кто не удивлялся их странной, капризной неуравновешенности!

Такою обреченною всегда томиться душою обладал некий петербуржец, Алексей Григорьевич Курганов. Один из многих.

Жизнь его с внешней стороны складывалась очень удачно. Раннее детство его протекало на лоне природы, в прекрасном, благоустроенном имении его родителей, расположенном в живописной местности средней России. Первые впечатления бытия были ему радостны, леса, поля и реки раскрывали перед ним много интересного, и люди вокруг были очень занятные. Воспитывали его тщательно, даже не слишком уж дурно, хотя и сообразно с неподвижными традициями хорошего дворянского рода.

Учился Алексей Григорьевич хорошо, нигде в классах не засиживался. В деньгах он никогда особенно не нуждался, – родители давали ему всегда ровно столько денег, сколько ему было нужно. Потом они умерли как-то очень вовремя, не слишком рано, но и не слишком поздно, и оставили ему приличные средства.

Когда Алексей Григорьевич сделался самостоятельным, его хорошие связи и знакомства всегда помогали ему очень недурно устраиваться. Он служил на видных, но совершенно спокойных местах, дававших ему порядочное жалованье и немало досуга.

Казенная служба скоро перестала нравиться Алексею Григорьевичу, – да ему и ничто не нравилось долго, – и тогда он некоторое время служил по выборам. Потом он устроился очень хорошо в правлении одного видного и крупного предприятия. Здесь он получал большое жалованье, играл удачно, хотя и осторожно, на бирже и выигрывал на скачках и на бегах, – помогали и счастье, и холодный расчет.

Когда Алексею Григорьевичу минуло двадцать восемь лет, он женился по любви на дочери видного земского деятеля, Шурочке Нерадовой. Шурочка была очаровательна и принесла ему прекрасное приданое. В Шурочкином нежном и задумчивом лице было что-то, что напоминало лучшие портреты Генсборо. Шурочка очень мило пела, недурно играла на рояли, любила читать стихи новых поэтов, особенно французских, и обладала изысканным, тонким вкусом. Туалеты Шурочкины были превосходны, и она ухитрялась тратить на них не слишком много, чем немало гордилась. Со своею милою Шурочкою Алексей Григорьевич чувствовал себя на вершине блаженства, а в обществе был горд женою. Только порою грустные Шурочкины глаза, остановившись на нем с неизъяснимым выражением, наводили на него смутный страх, и он старался разогнать его усиленной веселостью. А поездками в те места, где люди хотят веселиться, он пытался заставить Шурочку улыбаться и смеяться, как улыбаются и смеются другие веселящиеся дамы. И Шурочка улыбалась, – ей было весело.

Через два года Шурочка родила Алексею Григорьевичу сына, веселого, здорового мальчика. Она сама выкормила его. Когда он стал подрастать, было заметно, что он больше похож на мать, чем на отца.

Вот, все внешние признаки благополучия были налицо. Вся жизнь Алексея Григорьевича, казалось, идет легко и приятно, как сон в летний полдень. И все же...